

Штрихи свободы

Элайза Дэйвидовит

Фото Джим Херити

Созданные под маскировкой коммунизма, Юрий Трайсман предлагает всеобщему вниманию свою коллекцию совдеповского искусства.

Если бы стены усадьбы Юрия Трайсмана в Гринвич, штат Коннектикут, могли говорить, они бы плакали и кричали, пели и смеялись, молились и бунтовали. Но они также бы знали, когда нужно оставаться безмолвными – тому, чему они были обучены лучше всего. Когда наступает ночь и безопасность темноты входит через огромные окна его дома, можно представить как коллекция «запрещённого искусства», которая украшает его стены, начинает оживать и создавать сюрреалистический гомон. Объединённые скульптурами и статуэтками они все бы подняли тост за одну причину, которая создала их: желание быть свободными.

Но они не могут покинуть помещение, так как их хорошо сторожат высокие железные ворота, особенность, которая так часто характеризует усадьбы Гринвича. И это иронично, потому что эта первая коллекция «табу» искусства была создана тайно и тихо за железным занавесом коммунистической России, где даже художественное самовыражение отбеливалось КГБ. Как сказал однажды поэт Александр Пушкин: «Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом».

Юрий Трайсман, также родившийся в том Советском Союзе, обладает наиболее важной в мировом масштабе и исчерпывающей коллекцией стиля русского искусства, определённого многими специалистами как «нонконформистский», «диссидентский», «альтернативный», «кулуарный», «авангардный». Каждое описание отражает мир неофициального искусства, существовавшего незаметно для властей, так как разрешённой формой искусства был только социалистический реализм, стиль, поощряющий коммунистические общественные структуры. Внутри его чётких структур не могли быть нарушены ни темы, ни способы выражения. Как в детской книге-раскраске параметры советского искусства были отчётливо разграничены – и выход за его пределы или существование вне его имели свои последствия.

Сам по себе термин «запрещённое искусство» Трайсмана, как и его одноимённая недавно изданная книга, возможно наилучшим образом улавливает суть искусства с множеством имён. *Запрещённое искусство* изучает неофициальные стили и движения, искавшие самовыражения в период деспотичной советской политики. Художники Юло Соостер и Борис Свешников оба были заключены в тюрьмы и приговорены к отбыванию сроков на несколько лет в исправительно-трудовых лагерях из-за их живописи; почти ослепший художник Владимир Яковлев был помещён в психиатрическую клинику и умер в одиночной камере; скульптору Эрнсту Неизвестному были переломаны пальцы и рёбра сотрудниками КГБ, и ему даже угрожал сам Никита Хрущёв. Бесчисленное число других избивалось, подвергалось нападкам, запугивалось или вынуждалось к выезду из страны за красочное преступление привлечения штрихами свободы. По иронии судьбы, когда умер Хрущёв, его семья обратилась к Неизвестному с просьбой создать его надгробный памятник. Но это едва ли положило конец российской жёсткой политике в отношении художников.

Однако, несмотря на официальную цензуру и риск потерять работу или быть заключённым в тюрьму за неповиновение, диссидентские художники продолжали работать в авангардной технике посредством использования абстракции, метафизического, религиозного и сюрреалистического концептуализма, Поп-Арта, медиа-критики и комплексных форм реализма. Таинственность часто влияла на само искусство относительно размера (меньшие размеры были предпочтительны для незаконного вывоза или перевозки без регистрации в официальных инстанциях), также как и материалов, которые не всегда были доступны. К примеру, Неизвестному часто приходилось красть металлолом для использования в своих скульптурах.

Чтобы прокормить себя многие художники вели двойную жизнь, работая как «официальный» художник днём и занимаясь своими формами запрещённого искусства ночью. Трайсман говорит, что 90 процентов художников были евреями, и по существу они вели тройную жизнь.

Кроме профессионального подавления, как евреи они также были жертвами антисемитизма и гонения. Например, Иегуда Пэн – основоположник витебской художественной школы, среди учеников которого были Марк Шагал и Эл Лисицкий – и многие другие как он были убиты в 1937 году по приказу Сталина.

Первоначально после большевистской революции 1917 года многие русские художники верили, что им будет предоставлена творческая свобода. И хотя многие быстро восприняли абстрактные формы, само общество отвергло «эксцентричный» новый стиль. Смерть Иосифа Сталина в 1953 году опять принесла новый оптимизм художественной свободы. Но он также столкнулся с сокрушающей реальностью и серией конфронтации с правительством, завершившихся так называемой Бульдозерной выставкой в 1974 году, когда органы правопорядка проехали по выставке на бульдозерах и подожгли картины.

Но ожог душ художников послужил только основанием для их дальнейшего вдохновения. Советский андеграунд продолжил распространяться и цвести вопреки жёсткой политике советских лидеров, таких как Брежнев, Андропов и Черненко. Наконец, в поздние 1980-ые политика Михаила Горбачёва гласности (открытости) и перестройки (переустройства) объявила новую эру свободного и активного культурного выражения. Аукцион русского авангардного и советского современного искусства, прошедший на московском Сотбисе в 1988 году, официально представил нонконформистское искусство на международном рынке. Железный занавес упал и диссидентские художники стали просто художниками, освобождёнными от определений.

Что касается собственных железных ворот Юрия Трайсмана, то они широко открыты, так как его коллекция постоянно арендуется музеями по всему миру. «Я чувствую, что в мире должны знать, что происходило в Советском Союзе, а искусство должно чаще служить средством обучения», говорит Трайсман. Среди художников в его коллекции есть, к примеру, Илья Кабаков, Эрик Булатов, Гриша Брускин, Комар и

Фарфоровые статуэтки из коллекции Юрия Трайсмана

Мелаид, Владимир Немухин, Дмитрий Краснопевцев, Наталья Нестерова, Эрнст Неизвестный, Леонид Пурыгин, Оскар Рабин и Олег Васильев. Он состоит в дружеских отношениях со многими художниками, и часто поручает им создавать произведения только для него. Его взаимоотношения с ними, говорит он, только способствуют его увлечённости и высокой оценке того, чем они занимаются.

Трайсман, закончивший Московский инженерно-строительный институт, покинул Советский Союз в 25 лет и переехал в Италию, поэтому он и его семья могли испытать свободу капитализма. В конечном итоге он переехал в США в 1974, где он очень хорошо использовал «свободу капитализма» и достиг огромного финансового благополучия в сфере промышленности и строительства.

Интерес Трайсмана к искусству начался очень рано. Его отец был графиком и действительным членом Центрального дома художника в Москве; его мать была мастером спорта международного класса по гимнастике. Отпуск семья обычно проводила в пансионатах союза художников. «С раннего детства я был окружён искусством», говорит он.

Когда он вырос, он начал посещать выставки, галереи, музеи и концерты. Он всегда любил это, и сегодня говорит, что когда он путешествует за границу, у него такое чувство, что путешествие неполноценно, если он не посетит музей или галерею. России, он работал с московским патриархатом по восстановлению церквей.

Здесь он узнал о русских иконах, характерная живопись на дереве, направленная на пробуждение рефлексии и самопознания.

Традиция иконописи была унаследована русскими из Византии, где она началась как ответвление от мозаики и фресковой традиции в ранних византийских церквях. С икон и началась страсть Трайсмана к коллекционированию. Имея художественные способности, он научился также как чистить, так и реставрировать их.

По возвращению в США иконы Трайсмана стали реликвиями прошлого, и его коллекция приобрела новое направление. Когда он больше узнал об американском искусстве, он удивился, обнаружив, что многие уважаемые американские художники были родом из России, такие как Луис Невельсон и Марк Ротко.

Он вскоре стал дружен с патриархом современного американского искусства Эвой Глимчер, арт-дилером и соучредителем знаменитой нью-йоркской Галереи Пейс-Вильденштейн.

Его дружба с ней и семьёй Глимчер сориентировала его интерес в сторону американского современного искусства, которого он собрал очень важную коллекцию, включающую таких художников как Джим Дайн, Александр Колдер, Роберт Раушенберг, Джаспер Джонс и вышеуказанный Невельсон.

Юрий Трайсмaн

В 1970-ые в США он встретил Эрнста Неизвестного, того самого художника, который запечатлел Хрущёва в своём знаменитом надгробном памятнике. Его взаимодействие с русским художником и собственная ностальгия Трайсмана по родине задали его коллекционированию ещё раз новое направление. Он приобрёл своё первое произведение запрещённого искусства у этого известного диссидента, и его роман с авангардным стилем начался. С того времени большинство его произведений приходит из Европы и США, и только несколько произведений прибывают непосредственно из Москвы. Сегодня обладая обширной коллекцией авангардистского искусства, он назван наиболее важным коллекционером этого стиля.

Дополнительно к коллекции русских фотографий Трайсмана, он также коллекционирует фарфор, это его наиболее позднее увлечение. Коллекция фарфора – которую он, безусловно, держит подальше от греческих свадб – собиралась более 10 последних лет. Коллекция начала мировой тур и в данный момент выставляется в Музее и Садах Хилвуда в Вашингтоне. Весной запланирован переезд в Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве. Выставка сопровождается вновь изданной Трайсманом красочной книгой объёмом 550 страниц *Ода к радости*, которая даёт исчерпывающий обзор истории русского фарфора.

И даже при таком количестве работ он знает наизусть каждое произведение, которым он владеет, где оно сейчас, если находится в поездке. «Искусство – это значительная часть моей повседневной жизни», делится он. Он также связан с несколькими художественными фондами, публикует книги и активно читает лекции по этому вопросу. Большинство коллекционируемых им художников являются евреями.

Photo by Jim Herity

Еврейские художники играли революционную роль в формировании советского искусства. Еврейский художник Эл Лисицкий всем сердцем ощущал то, что художник может быть причиной перемен. Живопись Гриши Брускина, основанная на рассказах, найденных в Торе или Каббале, была прямой конфронтацией запрету советскими властями религиозного содержания в искусстве. Другими художниками, включающими еврейское содержание в свои работы, являются Анатолий Каплан, Алек Рапопорт, Виталий Комар и Александр Меламид; таким образом, хотя Трайсман пытается собирать все основные направления авангардного движения, неудивительно, то, что он говорит, «Одной основной чертой моей коллекции является особое внимание к метафизической традиции современной культуры».

Хотя сегодня, как разумный бизнесмен, Трайсман ценит инвестиционную стоимость искусства, он также очень серьезно берёт в расчёт потенциальную культурную ценность своей коллекции, которую, он говорит, в конечном итоге передаст русскому или американскому музею. Безусловно, истинный ценитель когда-то спрятанного искусства может только воздавать ему должное, выставляя его на публику.

Глядя на самого Трайсмана, окружённого миром эстетической красоты, может показаться, что он материалист. Но едва уловимые черты создают из него совершенно другую личность. Во-первых, он носит красный браслет Каббалы. Трайсман объясняет, что это простое духовное напоминание, что он еврей. Затем *мезуза* украшает каждую дверь его дома. Это тоже сдержанное упоминание того, что он еврей.

Юрий Трайсмaн

А затем он рассказывает о том, что он соблюдает Шаббат, ежедневно надевает *тефиллин*, изучает Тору с местным раввином Хабада. Он также в настоящее время публикует совместно с издательством Маханаим очень тонкий дорожный *сидур*, включающий только обязательные ежедневные молитвы. Дополнительно он публикует другой полный *сидур*, в котором защитный футляр может вмещать очки для чтения.

Трайсмaн является вице президентом Российского еврейского конгресса, чрезвычайно важной организации, помогающей десяткам тысяч евреев в России. Он также поддерживает школы, университеты, еврейские сиротские приюты, еврейское историческое общество, а также продовольственную и медицинскую программы для пожилых людей как в России, так и в Израиле.

Родившийся в 1948 году, в том же году, когда Израиль опять стал еврейским государством, Трайсмaн, как многие русские, знал очень мало о еврейском наследии. «Мне было плохо от того, что я потерял так много лет», сокрушается он. «Я не знал, как правильно молиться и никогда не совершал бармицву». Сегодня он близко дружен с главным раввином Москвы Пинхасом Гольдшмидтом и главным раввином России Берлом Лазаром. Оба его сына подростка читают на иврите и совершали бармицву. Они также учатся отличать на вид хорошее произведение искусства.

Безусловно, любовь Трайсмaна к запрещённому искусству и к тем, кто осмелился создавать его, говорит кое-что о его собственном неукротимом духе. Он не из тех, кого можно удержать от исполнения того, что он хочет сделать. «Я уверен в том, что смогу выжить в любых условиях и быть счастливым», говорит он.

Возможно, карта его судьбы заключена в его иудейском имени *Йирмияху* (Иеремия), которое обозначает «Бог поднимется наверх; Бог выпустит на свободу». Это определённо тема его собственной истории жизни, также как и его действия в интересах диссидентских художников и еврейского народа. Он проделал долгое путешествие из страны, где стены имели уши, в страну, где уши могут говорить – и это существенно меняет дело.

